

В первый месяц после смерти Чжоу Яня Сюй Сяочжэнь вырезал себе железу. Когда доброжелательные омеги из четвёртого сектора начали звонить — узнать, как он, — он поблагодарил их... и сказал правду. В ответ — мат и блокировка.

На полтора месяца с момента смерти Чжоу Яня он отправился в школу за табелем и письмом о зачислении. Оказалось, что его баллы присвоил кто-то, чьего имени он даже не слышал раньше. А ему самому оставили жалкие 150.

Учительница, ковыряясь в ногтях, презрительно посмотрела:

— Подавай ты хоть в суд — ничего не добьёшься, понял? У того парня регистрация из шестого сектора, и он альфа. А ты? Омега, который зачем-то сделал из себя бету. Не вырезал бы железу — никто бы твою успеваемость не посмел тронуть!

В её устах это звучало так, будто он сам виноват. Сам потерял всё. Сам и расплачивайся.

Он узнал её голос — это была та самая, что звонила и уговаривала прийти на экзамен.

И Сюй Сяочжэнь в очередной раз убедился — за любой "доброжелательностью" стоит расчёт.

Гнев. Унижение. Бессилие. Они снова поднялись в груди. Он устроил скандал. Его выгнали.

Он жаловался. Писал обращения. Всё зря. Пришёл учебный сезон, все поступили, все поехали в Имперский университет. А он... он остался ни с чем.

Справедливость? Равенство?

Это не про бет, оказавшихся внизу.

Таким, как мы, лучше быть... терпеливыми, как волы. Угодливыми, как псы. Трусливыми, как кролики. Забывчивыми, как рыбы.

Как сказал Чжоу Янь — надеяться вырваться из нищеты через учёбу? Смешно.

Но Сюй Сяочжэнь не сдался. Поступил на повторный курс в другое учебное заведение. Днём учился, вечером вернулся к старому делу — собирал мусор. Ждал, когда родится ребёнок.

На третьем с половиной месяце после смерти Чжоу Яня, в ноябре, роды начались раньше срока. Девочка родилась на седьмом месяце. Маленькая, красная, меньше котёнка. Смотрелось

так, будто её можно сломать лёгким прикосновением.

Успела чуть пошевелить ножкой — и Сюй Сяочжэнь отключился. Очнулся уже в палате. Ему сообщили: ребёнок родился мёртвым.

Родами занималась ближайшая больница. Его доставил Юань Нанань. Глаза были красные, голос дрожал. Он протянул Сюй Сяочжэню тонкий локон — первый пушок с головы ребёнка:

— Держись. Мы её уже похоронили...

Сюй Сяочжэнь сидел, прислонившись к изголовью. Лицо — пустое, холодное. Как застылая вода.

Только спустя долгое молчание он закрыл глаза и сжал в ладони этот локон. Так сильно, что в коже выступила кровь.

Почему умер не он?

Три месяца. Осень. Зима.

Сюй Сяочжэнь потерял всё, что можно было потерять. Любимого. Будущее. Семью. Целую жизнь — в один сезон.

Юань Нанань боялся — как тогда, после смерти Чжоу Яня, — что он вновь попытается покончить с собой. Убрал из палаты всё острое. Сказал жёстко:

— Правда, Сяочжэнь. Она бы не выжила. Семь месяцев — слишком рано. Слишком слабая. Её бы держали в инкубаторе месяцами. Постоянные переливания. Уколы, названия которых ты даже не слышал. Десять тысяч в день. Восемнадцатый сектор не потянет. Надо было бы перевезти выше. Четыре месяца минимум. Есть у тебя такие деньги?

— Ты иссох, у тебя даже молока не будет. Как бы ты её кормил?

Сюй Сяочжэнь лежал, уткнувшись лицом в согнутый локоть. В руке — всё та же прядь. Он молчал. Неизвестно — плакал или просто дышал.

Когда умер Чжоу Янь, он винил себя. Хотел умереть.

Потом — когда пытался спасти ребёнка — ненавидел Чэнь Исуня. Почему жертва не имеет права на ярость?

Когда у него отняли университет — злость нарастала. Он ненавидел того, кто забрал его место. Преподавателей, прикрывавших махинации. Всю систему. И — свою беспомощность.

Сейчас он был вымотан до предела. Хотел умереть. Но ненависть сидела внутри, не отпускала, не прорывалась — как ком в горле. Даже после смерти, чувствовал он, станет самой отчаянной, самой злой душой.

Он представлял тысячу разных «если».

Если бы Чэнь Исунь не был бешеной собакой.

Если бы Чжоу Янь остался жив.

Если бы его место в университете не украли.

Сюй Люй... если бы она осталась, смог бы он удержать её?

Юань Нанань был занят. Не мог сидеть с ним днями напролёт. Лишь изредка заглядывал.

Однажды он выловил в реке двух маленьких карасей — хотел сварить бульон для Юань Соусо, чтобы подкормить мозг. Но, сжалившись, отложил одну порцию. Обрезал рыбке хвост — отнёс Сюй Сяочжэню.

Он был морально готов — вдруг тот уже покончил с собой.

Но, войдя, обомлел: Сюй Сяочжэнь не только был жив, он был одет, собран и с рюкзаком за спиной — собирался в школу.

Сюй Сяочжэнь бросил взгляд на суп в его руках:

— Это мне? Спасибо, но я спешу. Выпей сам.

Любовь делает слабым. Ненависть — сильным.

В первый год и один месяц после смерти Чжоу Яня Сюй Сяочжэнь второй раз сдавал вступительные экзамены. Его баллы снова присвоили.

Он возмутился. Поднял шум. Всё как в прошлом году. И тут он вспомнил старшую подругу — Юнь Син.

В начале учёбы он не был одинок. Напротив — был активным, дружелюбным, старательным. Быстро подружился со старшеклассниками, у которых были те же мечты: выбраться из 18 сектора через знания.

Юнь Син была среди них. Она заботилась о нём, была доброй и мягкой. Ему хотелось, чтобы его будущая жена была похожа на неё.

Она провалила вступительные — говорят, от нервов. Получила лишь треть от своего обычного результата.

Сюй Сяочжэнь подбадривал её: пересдай! Повтори год! Она сдала снова, но результат почти не изменился. Отказалась учиться дальше. Сказала, что у неё не получится.

Он был зол. Ему казалось, что она предала мечту. После этого они перестали общаться. Он даже не знал, где она сейчас и кем работает.

Теперь — после двух украденных экзаменов — он понял: сам оказался на её месте.

Она сказала, что не сможет сдать экзамен ни в этой жизни, ни в следующей — не потому, что сомневалась в себе, а потому, что поняла: сколько бы раз ни пытался, какие бы баллы ни набрал — всё равно отдашь результат другому. Лучшему. Более нужному.

Сюй Сяочжэнь нашёл её старый номер. Не знал, работает ли он до сих пор. Набрал.

Спустя мгновение раздался голос — мягкий, женский:

— Алло?

— Сестра Юнь... — прошептал он. — Прости меня.

Юнь Син на секунду замолчала, будто сразу поняла, о чём речь. Её голос не дрогнул, только стал чуть тише:

— Сяочжэнь... Давай встретимся.

Она работала в круглосуточном магазине, грузила товар. Выглядела уставшей — куда более измождённой, чем три года назад, когда они виделись в последний раз.

Но куда сильнее изменился он. Юнь Син не могла поверить, что перед ней тот самый живой, амбициозный мальчишка. Теперь он был словно высушен изнутри.

Они долго говорили на набережной. Юнь Син сказала:

— Сяочжэнь, иногда надо принимать реальность. У нас нет выбора. Но жить ведь надо, правда?

Он ответил не по сути:

— Знаешь, я раньше всё думал: неужели во всём 18-м секторе не найдётся ни одного беты, кто сможет поступить в Имперский университет? Мы что, глупее остальных? Или беты с рождения хуже омег и альф? Всегда должны быть ступенькой?

Он был омегой. Стал бетой. Не чувствовал, что в том состоянии он был хоть чем-то лучше.

Юнь Син помолчала:

— Нас в эту игру вообще не пустили.

Сюй Сяочжэнь поднялся, отряхнул с одежды пыль.

На третьем году и одном месяце после смерти Чжоу Яня его снова лишили результата экзамена.

Он больше не устраивал скандалов. Молча принял.

Поступил снова, в другую школу. Снова с нуля.

Каждый год обучения стоил пять тысяч. Целое состояние. Он вычерпывал всё, что зарабатывал. И не знал, как долго ещё сможет тянуть.

Может, однажды, увидев Чжоу Яня или дочь во сне, он просто проснётся — и возьмёт нож. Поставит точку в этой скучной, выгоревшей жизни.

Он становился всё тише. Холоднее. Будто его и нет вовсе. Отвечал лишь тогда, когда к нему обращались — коротко, формально. Как будто даже воздух не хотел его замечать.

На запястье у него появилась красная нить и старые часы.

В плетение нити он вплёл волосок своей дочери. Часы — память о Чжоу Яне. Те самые, которые тот когда-то заложил за лекарственное масло. Сюй Сяочжэнь обошёл весь 18-й сектор, чтобы найти и выкупить их.

На четвёртый год и один месяц со дня смерти Чжоу Яня история снова повторилась.

Сюй Сяочжэнь, как всегда, молча принял случившееся. Поступил в очередную школу. Любой, кто его знал, взглянув на него, испытал бы боль.

Эта школа была за семь километров от дома. Он уходил до рассвета, возвращался в темноте.

У него не было сил заботиться о себе. Волосы отросли. К пятому году после смерти Чжоу Яня они уже достигли плеч. Зимой он носил их распущенными, летом — собирал в пучок. Густые, светлые, на фоне мертвенно-бледного лица делали его похожим на красивую девушку.

Хотя мало какая девушка была выше его ростом.

Он носил одежду Чжоу Яня. Рукава были длинны, приходилось подворачивать.

Письма о зачислении всё не приходило. Но теперь он был опытнее: заранее сам звонил в вузы.

Прошло десять дней с момента оплаты обучения. До начала занятий в Имперском университете оставалось полмесяца. И тут раздался звонок.

— О, Сюй Сяочжэнь! Знаешь, тебе невероятно повезло! Ты поступил!

Он ждал этого пять лет. Но, услышав радостный голос, подумал: розыгрыш. Молчал. Только после нескольких подтверждений от собеседника, сдержанно ответил:

— Хорошо.

И спокойно направился в школу.

На входе висел новый электронный экран. Сегодня в новостях: «Сын имперского маршала Гу Чуаня, генерал-майор сухопутных войск Гу Янь, окончил Имперскую военную академию и досрочно назначен главой департамента вооружений. Возможно, самый молодой министр в истории Империи!»

Сюй Сяочжэнь сделал шаг назад. Новости казались важными — он отметил их про себя.

В кабинете его ждал преподаватель с заветным письмом. Радостно поздравлял:

— Паспорт взял? Вот везёт же — тот студент, который должен был пойти, уехал за границу. Освободилось место!

Сюй Сяочжэнь опустил голову, молчал.

Везение? Это было его место изначально.

Он взял письмо.

Письмо из Имперского университета было самым технологичным из всего, что когда-либо видел Сюй Сяочжэнь. Для открытия требовалась и отпечаток пальца, и скан радужки. Попытка вскрыть силой — и письмо самоликвидируется. После открытия внутри появлялся динамический код, который нужно было ввести на официальном сайте, чтобы выбрать факультет и подтвердить личность.

Но даже самая передовая защита не спасала от того, что его экзаменационные бланки снова могли подменить сразу после выхода с экзамена. За пять лет он стал будто общественной овцой — кого ни встретишь, каждый норовит срезать с него шерсть.

Вокруг него собрались взволнованные преподаватели — помогали выбрать специальность, используя компьютер в офисе.

— Наконец-то! Столько лет прошло, и вот у нас снова студент в Имперский! Нужно выбрать правильно!

— Да-да, прошлый был лет семь-восемь назад. Неудачно выбрал, через пару месяцев с ума сошёл!

— Иди в медицину! Врач — статус, престиж. А ещё, говорят, сейчас бета-врачи особенно востребованы — феромоны не мешают.

— А может, машиностроение? Навык — это сила. В заводах одни беты, коллектив понятный.

— Юриспруденция? Будешь адвокатом, защищать права.

— Ни в коем случае! Суды и юрфирмы — сплошь альфы и омеги. Бетам там не выжить.

Сюй Сяочжэнь провёл пальцем по запястью, где были часы. Ввел код. На фоне криков выбрал: факультет политологии.

Крики стали оглушительными. Громче, чем когда Юань Нанань увидел его в луже крови.

— Боже мой! Опять политфак?! Тот, что выбрал её в прошлый раз — сошёл с ума! Это судьба, что ли?!

— Быстро! Звоним в приёмную комиссию! Надо менять!

— Политология — это конец!

Имперский университет был вершиной образования. Политология — самый высококонкурсный факультет. Выпускников сразу распределяли на госслужбу. Казалось бы — почёт, триумф. Из эксплуатируемых в эксплуататоры. Родня в восторге.

Но на госслужбе 60% — альфы, 35% — омеги, и только 5% — беты.

На каждые сто человек — пять бета. И те — дети элитных альф и омег.

Из таких мест, как 18-й сектор, только главы районов — да и те по назначению. Никто не остаётся надолго.

Сюй Сяочжэнь, попытавшийся втиснуться туда — выглядел смешно. Его ждали отторжение и борьба.

И это ещё если говорить мягко. Иначе как объяснить, почему предыдущий бета, поступивший на политологию, так быстро сошёл с ума?

Сюй Сяочжэнь всё понимал. Но ему было не страшно, он и так давно хотел умереть.

Он сознательно выбрал путь яркой, бесповоротной гибели — чтобы был повод идти до конца.

С того самого момента, как он записался на этот факультет, его жизнь стала похожа на свечу, подожжённую с двух концов.

Он стиснул зубы. Он хотел сам увидеть, что такого «высокого» в этих «высших» людях.

Младшая сестра Юаня Нананя — Юань Суосу — тоже в этом году сдавала экзамены. Её баллы были средние — не настолько низкие, чтобы не поступить, но и не выдающиеся. В один университет с Сюй Сяочжэнем она не попала, но попала в тот же город — могли приглядывать друг за другом.

Юань Суосу, увидев, через что прошёл Сюй Сяочжэнь, да ещё под непрекращающиеся наставления брата, была настороже с самого начала. Осторожна во всём.

Они ехали вместе: на междугороднем автобусе, потом на поезде. Пересекли девять секторов. Семьдесят два часа в пути — и вот они в Первом секторе.

Железнодорожный вокзал находился в пригороде, но и он поразил их до немоты. Даже самые заурядные здания здесь были роскошнее, чем центральные высотки в 18-м секторе.

В небе шли рельсы — изогнутые, парящие без опор, по ним проносились поезда, полные пассажиров.

Два деревенских простака впервые оказались в настоящем городе. Разница между мирами стала очевидной, как удар по лицу.

В Имперском университете приём первокурсников проходил с 13 по 15 сентября. Студенты со всей страны прибывали, находили нужный факультет и регистрировались.

По сравнению с потоками студентов на факультетах искусства и литературы, политология выглядела мёртвой зоной. Тихо, пусто. Дежурный старшекурсник едва не уснул, подперев щёку рукой.

Вдруг перед ним выросла фигура, заслонив свет.

Тонкие пальцы положили на стол письмо о зачислении. Молчание.

Ло Цань поднял взгляд, оценивающе уставился на новичка. Сначала не понял — парень это или девушка.

Рост средний — около 178-179. Худощавый. Кожа белая, лицо красивое, мягкие черты. Всё на месте: нос, губы, глаза. И всё — с правильными пропорциями. Глаза — большие, круглые. И Ло Цань готов был поспорить: когда он улыбается — это должно быть очень красиво.

Волосы — густые, светло-каштановые, свисали до плеч. Пышные. Модная стрижка — что-то вроде маллета. Видно: парикмахер был мастером, работал по слоям.

Он раскрыл письмо. Пол — мужской. Тогда и спросил:

— Братец, где ты так стрижёшься? Есть контакт мастера?

Сюй Сяочжэнь не ожидал, что первое, что у него спросят — это про причёску. Только потянулся указать на себя — как Ло Цань вдруг воскликнул:

— Чёрт! Ты — Сюй Сяочжэнь?!

Ло Цань поднёс письмо к свету, проверил со всех сторон. Всё верно. Именно он — тот самый бета из 18-го сектора.

Весь факультет знал: в этом году на политологию сунулся бета. Безумец. Суицидник. Жертва.

Ло Цань больше ничего не спросил. Испугался — вдруг его тоже заклеят. Указал жестом:

— За тем учебным корпусом — здание администрации. Комната 504, там ключи от общежития.

— Спасибо, — отозвался Сюй Сяочжэнь. Забрал письмо с печатью.

Обычно каждому новенькому прикрепляют куратора, чтобы провести по кампусу. Но его — проигнорировали.

Он и не ждал иного. Медленно потащил рюкзак к корпусу.

Барахла было немного. Всего-то один рюкзак 13 дюймов. Даже его нести было тяжело. Сейчас он не тот, что раньше — когда-то мог в драке дать отпор. Сейчас — проходил пару шагов, и уже дышал с трудом.

Кто знает, это было последствием удаления железы или результатом тяжёлой беременности — но тело Сюй Сяочжэня всё чаще подводило его.

Главный корпус университета возвышался на двадцать этажей. Десятки массивных колонн в римском стиле держали его, словно храм. Герб Имперского университета висел высоко на фасаде, сверкая в утреннем свете. На крыше — шпиль, словно копьё, пронзающее небо, нависал над площадью с холодным величием. Именно поэтому церемонию приёма новеньких всегда устраивали перед этим зданием — внушительно, внушающе.